

АПОКАЛИПСИС ПОД БАТИСТОМ

*...Из репы, из тыквы, из селёдки, из топора,
из чего угодно... Но суп!*

Борис Минаев. Батист.

НО СУП!

В финале романа «Батист» (журнал «Октябрь», 2014, №8-9) — обещающая строка:

«Конец первой части».

Значит, будет и вторая часть, а там и третья, и никто не скажет: четвёртой не бывать. Роман Бориса Минаева экспонирует разветвлённые семейства на просторах родины и зарубежья, и если дело пойдёт, — русская проза может получить настоящее эпическое полотно

Действие романа отнесено ко временам начала Первой мировой войны и охватывает огонь и мрак революционной эпохи, которая вроде бы миновала, но мир продолжает содрогаться от памяти о тех временах и искать ответа на проклятый вопрос о смысле того, что тогда произошло.

Тогда? Или теперь, в нашем нынешнем сознании — неизвлечённой занозой, когда о чём бы ты ни думал, — натыкаешься на вопрос: зачем всё это было с человечеством. А ответа всё равно нет.

Есть неотступность вопроса. Речь может идти о чём угодно: о репе, о тыкве, о селёдке... Топор уже прикрыт каким-то таинственным батистом, так что уже и батист начинает попахивать топором... если, конечно, знать, о чём речь.

Ну, например. Герой повествования обещает сам себе «всё делать по плану», «всё по часам, по минутам», «всё представлять себе заранее: что говорить, куда идти, что делать»...

Это про кого? Про нас?! Про нас, конечно. Про то, о чем мы грезим, и никак не обретём. Такой немецкий порядок — это про нас, конечно, но как бы от противного.

Или — про католиков. Про то, как им жизненно необходимы регулярные мессы, проповеди, причастия... А нам, может, и нужны, да нету. Опять информация по перечислению. Игра мотивов. Контрапункт.

Самый красноречивый переклик такой. В Европе спортсмен, решивший переплыть Ла-Манш, обязан опубликовать уведомление об этом в газете. Некий месяц публикует об этом несколько строк: когда и откуда плывёт. Финальная строка: «Да здравствует Франция!»

Я вместе с повествователем пожимаю плечами: причём тут Франция?! Да никому из наших и в голову не придёт написать в таком газетном уведомлении «Да здравствует Россия!». Потому что она и так впечатана в наши души. А молчим об этом — из чувства приличия, а то и из суеверия — ещё сильнее власть таинственной, неназываемой русскости... которую лучше не окликать впустую — именно потому, что эта власть над нами таинственна. То есть прекрасна. И страшна.

В чём тогда смысл, если его и коснуться страшно?

Есть какая-то острая игра в этом пересчёте смыслов, привязок, есть даже некоторое щегольство в этой игре: Борис Минаев строит повествование иногда прямо-таки на провокационном перемерении ожиданий и данностей... То ли это начало проклятого (не календарного, а реального) Двадцатого века, то ли конец и эпитафия ему... Современная проза вообще вся на подспудных мелодиях: звучит вроде бы одно, откликается совсем другое, ждёт момента третьё...

Чтобы понять истоки этой полифонии применительно к Минаеву, — отодвинуть на десятилетие назад, чтобы вспомнить предыдущий его роман — «Психолог», где нет никакого отката в 1914 год, и проблемы названы прямо и жестко, а иногда и вызывающе — проблемы, актуальные для 2006 года.

Без батиста! Что с нами произошло? И почему до сих пор нет ответа на вопрос о смысле того, что произошло? И возможен ли вообще ответ на этот вопрос или лучше не доискиваться ответа, потому что ответ будет опасен — фатален — страшен?

Но чтобы войти в игру смыслов и мелодий, которая озвучена в тогдашнем (давнем уже) романе Бориса Минаева — «Психолог, или Ошибка доктора Левина», надо отведать того супа, который варился тогда, в 2005 году — при помощи лучших друзей человека.

НЕ В КОНЯ КОРМ? А В КОТА?...

Насчёт коня — ясно с полуслова. Кто-то раскурочил перегородку между женским и мужским отделениями общежития.

— Кто осмелился?

— Кто-кто! Конь в пальто!

Больше вопросов нет.

С котом дело хитрее. Вопросов полно, и есть ответ единственный и неотразимый:

— Суп с котом!

Все вопросы на одну тему: а что потом?

И того, и другого зверя я извлекаю из романа Бориса Можаева. Коня — из эпизода его журналистской работы перестроечных лет. Кота — из третьей строчки его огромного романа «Психолог, или Ошибка доктора Левина»:

«Рано утром в квартире Лёвы Левина раздался нехороший звонок. О содержании звонка узнаете позже, об этом потом...»

И ладно бы: на семиста страницах романа можно объяснить всё что угодно. Но я об игре повествования.

Через десять строк после «звонка» — сведения о жаркой погоде, о домашних кондиционерах, и фраза:

«О кондиционерах тоже потом...»

Еще через 20 строк:

«Во дворе было так же, как в детстве. Только люди другие... Об этом тоже поговорим потом...!»

С конем (который в пальто) дело решается одним абзацем: поскольку близится срок набора в строительные ПТУ (производственно-технические училища), о безобразиях в ПТУ писать журналисту Левину цензурно запрещают.

С котом (и обещанным супом) иначе. И герой романа Лев Левин (автор явно смакует звучание имени-фамилии, но у меня задачи другие, и я буду называть его короче и суше: ЛЛ) так вот, ЛЛ всё время задумывается: а что потом? И пока киска (подружка кота) ждёт последней строчки романа, чтобы завершить неумное авторское раздумье, — это раздумье не кончается.

Оно — «ни о чём».

И поэтому оно — невыносимо грустное.

Есть «что-то», что кроется за ворохом событий (встреч, разлук, разрывов, примирений, бракосочетаний, разводов, из которых Борис Минаев (БМ) сплетает сложносочинённое целое своей книги), но что оно такое — «это», тащущее за ворохом событий, ни автор, ни его герой (ЛЛ), ни любой из его собеседников — определить не берется.

Грусть невыносимая — от невозможности понять, что это. А может, именно от догадки, бросающей на это раздумье невыносимую тень?

О ЧЁМ РЕЧЬ?

Речь о смысле бытия. О смысле, который должен открываться в судьбе поколения, страны, мира. И в судьбе конкретного человека, в судьбе каждого индивида. Должен быть смысл! А ускользает...

Оборачиваясь на первые произведения БМ («Детство Лёвы», «Гений дзюдо»), где прослеживаются ранние этапы его жизни, хочу заметить, что вопрос о смысле существования там, похоже, не стоит; этот вопрос возникает теперь, когда герою под пятьдесят (впрочем, возникает он не у одного ЛЛ), позднесоветское поколение почувствовало его не в 2005 году (время появления романа «Психолог»), а лет десять спустя, войдя в эпоху, которая в 2005 только намечалась, а к 2015-му доросла до вопроса о смысле... на который оказывается не так легко ответить.

А когда-то, в эпоху развитого социализма — по всему фронту — об этом много задумывались? Не очень. Потому что смысл эпохи подразумевался сам собой. Ответы были на знамёнах, вопросы не возникали.

ЛЛ (в романе «Психолог») вспоминает о своём детстве так: хорошо было бродить между гаражом и котельной, втыкать ножички в землю, валяться на траве, что-то орать — октябрятски-пионерского вроде ничего и не было. Примем же эту новую исходную позицию — она отлично (от противного) утверждает смысл существования, о котором не приходит в голову «орать» — он и так впечатан в душу.

Так он исчез? Бесследно? И вспомнить нечего?

Вспоминается, конечно, и другое: «люди подписывают коллективные письма, выходят из рядов или вступают в них, встают грудью на защиту или гневно осуждают...» ЛЛ задаёт себе неслышный вопрос: можно ли в ту пору вернуться? Да немислимо! Ни за что!

«В юности он пытался понять, почему так, а потом плюнул и перестал».

Отошло послевоенное время, меченое неушедшей военной диктатурой... и что же потом?

Потом, если подумать (а ЛЛ не перестаёт думать об этом) такая героика осталась только в кино: «гибель на боевом посту, при выполнении служебного задания, выполняя интернациональный долг и т.п.» — в реальности же «люди, замученные перестройкой, обещаниями, трескотнёй, очередями, почти реальной нищетой того времени, когда не было ничего в магазинах, но возникали огромные, расцветенные, какие-то жирные иллюзии, и эти иллюзии... светились в глазах у людей». В 50-е, 60-е годы...

Потом — погасли.

А В 70-Е, 80-Е ГОДЫ?

Студенческие бригады, песни, поездки по городам... Ну и?

ЛЛ видит смысл поездок по городам только в самих поездках: так славно было чувствовать себя гостем, москвичом, красивой залётной птицей...

И всё?!

«В чём же смысл? Невыразимый смысл, который обязательно надо понять?»

Этот вопрос встаёт наконец в 2005 году.

Вместе с невозможностью ответить.

Внутри пустота, заполняемая чем-то вязким, неустойчивым.

«Что-то твёрдое у тебя внутри, конечно, есть. А докопаться до него невозможно. А ведь хотелось бы, вот какая беда».

Этот бедственный мотив во многом определяет тональность романа «Психолог». Какой-то смысл должен быть в пути страны, в судьбе народа, в движении государства, а какой — непонятно. И отсюда страх, непостижимый, непреодолимый, иногда просто панический. Ощущение опасности прикосновения к этой теме.

Тут и опасность, и невозможность удержаться от прикосновения к ней. От опасного ощущения любви к ней.

«Ни на что не похожий страх любви...»

Как увязать эту висящую в воздухе жуть с картиной бытия, которое любишь?

ОСЕВАЯ КОНЦЕПЦИЯ

«Мир изменился. Вот все думают: миром управляют банки, олигархи, финансовые воротилы, биржи, Уолл-стрит, хрен знает кто. Чушь! Миром уже давно управляют слепые животные инстинкты. Цивилизация кончилась. Человечество всё уже построило и начинает разрушаться. Кругом быдло...»

Сегодня эта концепция довольно широко распространена среди социологов и философов. Но в 2005 году она ещё звучит как вызов (ну, хотя бы как вызов марксизму). И за неё ещё можно схлопотать от традиционно мыслящих идеологов. В 2015 году она уже в самом ходу. В базисе цивилизации — животная агрессивность. Баланс инстинктов. Соревнование в дикости.

Что же за бытие мы имеем на этом диком базисе?

Ответ ЛЛ (с которым его автор, кажется, солидарен): смысл в контрастности бытийных задач у мужчин и женщин, что и позволяет нам держаться.

Женщины обладают непреложным и реальным ощущением смысла. Смысл — деторождение. Продолжение рода. Девственность, вырастающая до материнства.

А мужчины?

Никакого ясного смысла. Переспал — гуляй! Плодоносный, оправдывающий существование акт: преодоление невинности. ЛЛ живописует его с особой заразительностью — как при этом лежат или движутся руки, ноги и прочие органы. Через эти картины совокуплений можно передать все сюжетные линии романа... но не буду. «Я не люблю этих вещей в пересказе» (формулировка юморного идеолога советской поры, объяснявшего, почему он против вторжения эротики в прозу).

Для стилистики перестроечной поры — в самый раз:

«И он, тяжело дыша... исследовал языком и губами её колени, чувствуя ту самую любимую её косточку, которую так ценят африканские и полинезийские племена людоедов...»

Вот именно. Тут вам и конь в пальто, и кот в супе. И секса вдоволь, и международная ситуация обыграна.

Только вот смысл всё-таки во тьме. Все сверхчеловеческие истины — в прошлом. В военном времени. Во временах бунтов и диктатур. Не позаимствуешь — смертельно! Впрочем, экстремалы новых поколений, не нюхавшие того пороху, пытаются заимствовать. Например, надеются на революцию, только «без крови, смены общественного строя, без лозунгов». В смысле: «приходят другие люди, и начинается другая жизнь».

Ошибка в том, что «поиграть в революцию» — не получается. Хотя другие люди, конечно, приходят. Думают обойтись костюмами в духе Че Гевары, а выясняется, что настоящая революция питается кровью, и Че жизнью расплатился. «Мирная, бескровная и абсолютно законная революция» — провокационная забава, игровой самообман, иллюзия смысла, обрыв в бессмыслицу.

Попробовав такого иллюзиона, герои романа с завистью смотрят на монахинь женского монастыря, «делающих своё дело совершенно спокойно, без всякого подтекста — без трудового энтузиазма, без раздражения и без усталого равнодушия». Сцены в Макарьевском монастыре, я думаю, сильнейшие в романе, но тайный страх подмены беглым штрихом прорисован и в них: «Люди в церковь приходят, а зачем приходят, сами не знают».

ЛЛ знает. И всё-таки не ощущает того смысла, который ищет. И которого нет. А у них, верующих — есть. Это — Вера.

СТРАНА ИЛИ ГОСУДАРСТВО?

Действует и ещё один персонаж в романе, на него мятущиеся души возлагают все свои надежды. Президент Путин. Он на каждом шагу. На портретах и в разговорах. В мыслях женщин, ощущающих себя невестами и посылающих Путину влюбленные письма (при этом они ненароком попадают в списки подозрительных лиц, от которых органы ждут провокаций, — не те органы, что отвечают за эротический экстаз, а те, что обеспечивают безопасность главы государства и общественный порядок).

«Так у нас есть общество или нет?» — откликается ЛЛ на этот диалог органов. И даже так: «У нас страна или государство?»

И любят его герои главу государства. И ненавидят — от любви, порождающей несбыточные надежды. Очень по-русски. И по-русски безнадежно.

В романе этот мотив кажется мне искусственно (икусно) сенсационным — для 2005 года! Мне проще заземлить его иначе: есть же такая извечная замкнутость русского человека на начальстве. На любом начальстве: от помещика до царя-батюшки, а там и до Господа, к которому тоже ведь ведут в нашей бескрайности все пути. А иначе куда же?

В сюжете романа «Психолог» Путин изваян — как хранитель и вестник предполагаемого высшего смысла, — надо только угадать, успел ли он переспать с героиней романа, или это опять обман... или, так сказать, «ошибка». Не хочу. Не мой сюжет.

ЛЛ как раз любит слово «ошибка». Второе название романа — «Ошибка доктора Левина». В чём ошибка? Доктор не психиатр, он именно психолог: не лечит свихнувшихся пациентов (таблетками), а надеется выправить их общее представление о жизни и судьбе (беседами), а частные свои ошибки в этом деле осознает охотно и быстро.

Труднее осознать фатальную бессмысленность общества потребления, когда вопрос о смысле незаметно отпадает, а когда он вновь встаёт — ответить нечего. Это — не «ошибка доктора», а драматичный поворот в его судьбе. В нашей судьбе.

Судьба даёт минимальное благополучие: вот ты накормлен и напоен, сиди в рожице на скамеечке и... думай, глядя на дождичек. Думай... думай...

В ЧЕМ СМЫСЛ СУЩЕСТВОВАНИЯ?

В военную пору смысл не подвергался сомнению: или победа, или гибель.

Через полвека после Победы начинает ощущаться вакуум смысла: не только избавление от гибели принесла эпоха перемен и перестроек, она принесла мирную жизнь, о смысле которой лучше не задумываться: это опасно! это страшно! безнадежно...

Может, лучше так: не пытаться изменить ситуацию? Жизнь такова, какова она есть: всё не предугадаешь, в том, какова ситуация виноваты все и конкретно не виноват никто.

А дальше? Потом?

Потом, через десять лет — роман Бориса Минаева: «Батист»

А пока ЛЛ сидит на скамеечке, пережидая дождик, и думает:

«Если скучно — надо скучать. Если что-то заболело — жить с этой болезнью... Если безнадежно влюбился — безнадежно любить, ну и так далее...»

Далее, на предпоследней строчке романа «Ошибка доктора Левина», — с доктором соглашается дождик: «Пожалуйста!» — и устало вздыхает.

А на последней строчке — возникает тот самый кот, из которого сварен тот самый суп, — нам послана вестница:

«Под фонарём пробежала кошка. Быстрая, как жизнь».

Тут только вздохнуть вместе с поэтом:

«Быстро-то как...»

Теперь возвращаюсь к новому роману Бориса Минаева, к «Батисту».

Вопросы те же.

Только сдвину чуть-чуть мелодии: утрата смысла есть не что иное, как утрата Веры.

СОХРАНИТЬ ВЕРУ

Опять игра? С первой же строки романа:

«У киевского доктора... умерла жена».

Жена — Вера.

Так о какой Vere речь?

В обширной сноске на той же первой странице — справка о бальзамировании трупов в древнем Египте: опорожнить череп, заполнить его ароматическими веществами... Не хочу входить в подробности, они для меня не тем

пахнут, мне-то думается об утрате и сохранении совсем другой Веры: об утрате Смысла нашей опасной, нашей неизбежной, нашей любимой Истории.

С умершей женой киевского доктора всё ясно до невыносимости: доктор её тело... бальзамирует и оставляет у себя дома. Для 1925 года, когда всё это происходит в романе, дело почти реальное: только что забальзамировали умершего вождя, строят ему Мавзолей...

А Вера Штейн тут причём?

Опять надо переводить с немецкого? Что такое «Штейн» по-русски (ну, по-советски, если это 1925 год): камень краеугольный, что ли? Металл для закалки в сталь? Да чушь несусветная! Слухи о том, что доктор устроил дома цирк, и собирается за показ мертвого тела брать деньги с посетителей, — пробуждают в людях ожидание немедленных чудес, все начинают приставать к доктору с просьбами... Всю эту «хрень» можно бы оставить без внимания, но куда денешь массу, которая жаждет чудес, готова поверить в любую «хрень» и по существу определяет судьбу страны?

От бдительных советских инстанций доктор спасается издевательски-хитроумной игрой: объявляет «Научный подход к воскрешению человека. Суеверия прошлого и марксистское предвидение будущего»... Попробуй тронь.

Научный подход? Вернее — ужас от того, что происходит с людьми, с народами, с государствами, с личностями и элитами на переломе к веку мировых войн.

Это — суть романа «Батист»: утрата человеческих параметров в том, что происходит... не в доме киевского доктора, а на полях Истории... от Марны до Бреста и от Сараева до Компьена.

ЭТА ВОЙНА

Она не вмещается ни в какие представления о прежних войнах.

«Новое оружие уничтожало людей в неизмеримо больших пропорциях; поэтому, повинувшись особому характеру этой войны, названной сразу «великая», «мировая», слепо отдавшись стихии оголтелого национализма... заставив одну нацию зверски, жадно, неистово ненавидеть другую... правительства в какие-то считанные месяцы поставили под ружье миллионы солдат...»

«Скученность, интенсивность военных действий была такова, что пошли в ход методы, давно забытые при ведении войн,... — зверства по отношению к мирному населению: людей сжигали или загоняли в водоёмы целыми деревнями, экспроприации последнего продовольствия происходили всё чаще...»

«Ещё не было ясно, какие чудовищные последствия будет иметь война для населения... какой пожар возмездия охватит все без исключения страны: Гитлер объявит евреев предателями нации ещё в двадцатых, Сталин объявит предателями крестьян, интеллигентов, иностранцев, мотив предательства станет главным на десятилетия, а может, и на века...»

Вот она — настоящая мелодия, без всякой игры!

И — потрясающий парафразис этой неслыханной доселе военной реальности в стиле дьявольского экзерсиса:

«Солдат заставляют стрелять лёжа... чтобы они не могли целиться в воздух. Этот иезуитский приём начальства настолько потряс Веру... что она представила себе этого солдата, лежащего на животе, раскинув ноги. Солдат тяжело сопел и пытался прицелиться в воздух. Но не получалось. На уровне его глаз были ноги, животы, головы, окна первых и вторых этажей, и офицер бил солдата по спине нагайкой... крича ему в ухо: стреляй!..»

Это когда-нибудь раньше было — такое скопление готовой к смерти массы? Независимо от того, сколько пустых, незаселенных или необработанных пространств остаётся на других концах Земли — вот такое чудовищное ощущение человеческой материи, сбившейся в кровавое колесо?

Люди, ещё не понявшие, что происходит, реагируют так, как привыкли их пращурь; «Ах, да, война...» и пытаются продолжать прежние дела. А это не война. Это апокалипсис...

Страшно засыпать, страшно просыпаться. Где наваждение, где реальность? Некоторые участники событий просто подышают... от счастья! Или от страха. Страх — это «знание о том, что нас ждет». Лучше не знать.

«Страшное — оно придёт само, когда захочет».

Может, придёт окончательное безумие, а может — «новое устройство жизни».

Что за новое устройство? Новые мощи и новые святые? Новые мумии? Новая Вера?

Но ведь и новая Вера канет в мумифицированное забвенье... Её запрут в лаборатории. Или в Мавзолее?

«Утратив давно опостылевшие формы жизни, пройдя через ужас Гражданской войны, страна свирепыми, гигантскими прыжками неслась в неизвестность, дышала ею, жаждала только её...»

Что это? Обретение утраченного Смысла? Или обретение Конца? Смысл борьбы — Победа. После Победы — опять неискоренимый вопрос: а Смысл?!

Помните чувство, которое охватывает пловца, потерявшего ощущение берега, — веселое отчаяние. Что делать? Кричать «Да здравствует Франция»? Или: «Да здравствует Росси... простите: СССР»... Что нам кричать?

Думаешь, что берёшь за рога Историю, а в это время она сама берёт тебя за рога. Берёт каждого.

Человек перестаёт соображать, чего он хочет. Он хочет не выпасть из потока. А куда несёт его поток?

Хорошо, что человек не знает, куда. Знание — смертельно.

И Вера меняется — фатально и непоправимо.

И Смысл — сокрыт.

МАСКА НОРМАЛЬНОСТИ

Самый героический и безнадёжный вариант — вести себя в этом апокалипсисе так, словно он на тебя не действует. Оставаться нормальным человеком. То есть обречённым. И всё-таки нормальным. Такой герой в романе Бориса Минаева есть. Его зовут Николай Романов.

Наследник престола в юности посещает Японию.

«Представьте себе человека, который никогда не менялся в лице, ни в какие минуты своей жизни, эта непроницаемая маска спасала его от всего, с ней он удирает от японского сумасшедшего, который бежал за ним с саблей. Японец нанёс ему страшный удар, раскроил череп, царь повернулся и побежал, рассчитывая шаги, зная, что налегке, со своим ростом и весом, он должен выдержать дистанцию... лицо его словно затвердело в улыбке, ужас застыл внутри... и как могло быть иначе: весь мир был против него...»

В эту картину надо бы добавить одну деталь: объяснить, чем вызвал русский гость (ещё не царь — наследник, обречённый стать царём) — чем вызвал он такую ярость японского стражника... Но это, как сказал бы ЛЛ, совсем маленькая ошибка — такая физиологически естественная... а зато непроницаемая маска нормального (естественного) человека прирастает к царю навсегда.

«Застывшая маска, невероятная жизненная сила, которая на протяжении долгих лет позволяла ему справляться с чудовищной болью, когда весь мир против тебя...»

Далее — то ли подсказка Островскому, то ли подсказка от Островского:

«Он был закалён, как сталь... Принимал парад на ледяном ветру, в седле, в одной гимнастёрке, часами — люди падали замертво с лошадей, их оттирали

водкой... а он стоял в седле, провожая взглядом полки, и не падал... но когда парад кончился, он вдруг понял, что над ним смеются, с непроницаемым видом ушёл и не позволил себе разрыдаться, это было страшно...»

Страшно наблюдать человека, который ведёт себя так, словно ему одному не страшно. И в подвале Ипатьевского Дома, с мальчонкой на руках, рядом с женой и четырьмя дочерьми, — выслушивая приговор от уральской советской власти...

Не выдержав этой сцены, автор романа «Батист» спрашивает: а что, если бы в 1905 году Госсовет принял «Указ о царевнах», и престол могла бы унаследовать дочь отречённого царя, — какую из четырёх его дочерей можно было бы представить на троне?

И отвечает: «Любую из четырёх».

Немыслимо?!

Абсолютно.

Потому что проигранная мировая война уже мраком легла на души миллионов людей, стрелявших лёжа: тех мужиков, которых миллионами война погнала с земли на гибель.

Потому что рождение каждой новой дочери царя даже в ближнем окружении его встречалось злорадным хохотом (никак мальчик не появлялся на свет).

Потому что прежде, чем приговор Николаю (и родившемуся наконец мальчику) привели в исполнение уральские большевики, — этот приговор подписала некая столичная дама, которая была наверняка хороша собой...

Дама??

Да, та светская дама, которая в марте 1917 года заявила, что готова убить царя собственными руками... Руки были в перстнях...

Лучше не убирать батиста, прикрывающего топор Истории...

Суп всё равно пахнет топором.

А батист чем пахнет?

Отдавая дань эротике, пронизывающей современную прозу, и обыгрывая её заикленность на «правильном положении рук и ног» при расставании с невинностью, Борис Минаев завершает апокалипсис фразой:

«Батист пахнет, как девушка...»

И подкрепляет — объективности ради: «...Шёлк — как женщина». Умолкаю! Топор и так, и эдак — не пахнет.

